

■

ТЕМНИЦА ТИХОГО АНГЕЛА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Не только дураки, но и многие умные на первый взгляд люди мечтают прославиться, наивно полагая: если их заметит пресса, то жизнь удалась. Причем не важно, как стать знаменитым и что надо сделать для популярности — главное, чтобы их знали и помнили о них долго. Фотографии в газетах, телевизионные интервью, упоминание в скандальных хрониках — недостижимая радость бытия для большинства людей, прозябающих в безвестности, мечта, несбыточная и горькая: тоскуют несчастные в своей тусклой жизни, не догадываясь даже, что слава может принести тоску еще большею.

«Быть публичным человеком еще хуже, чем публичной женщиной». Об этом подумал Николай Торганов, проснувшись однажды в номере отеля «Плаза» на Голливудском бульваре. Вернее, подумал когда-то А. С. Пушкин, а Коля просто вспомнил классика. А до этого каждое утро на протяжении почти года, открывая глаза, он знал, что ему уже почти тридцать и он никому не известный писатель, а следовательно, личность, не представляющая интереса для большинства окружающих людей. Даже женщины, которые в силу любопытства или, может быть, близорукости обращали внимание на Николая в каком-нибудь супермаркете или просто на улицах, подходя ближе, резко отворачивались, чтобы их не заподозрили во внимании к существу серому и недостойному. Про себя Торганов знал точно, что он не урод, но ведь даже ослепительно прекрасный нагой красавец вмиг становится нехорош собой, когда натягивает на себя протертое до неприличия дешевое безобразие, а не голубые джинсы от Кельвина Кляйна, к примеру, не говоря уже о костюме от Армани.

Тридцать лет для человека — определенный рубеж. «В двадцать лет ума нет — и не будет. В тридцать

лет денег нет — и не будет...» — гласит русская народная мудрость. Потом следует сентенция насчет жены, что несколько устарело в наше время. К сорока годам многие мужчины успевают раза по четыре обзавестись женами. Что касается женщин, то им хорошо известно: тридцатилетняя женщина — потерянный для общества человек. Эта мудрость тщательно скрывается от мужчин, особенно от тех, кто представляет определенный интерес. Но Торганов, судя по всему, к этому разряду не относился. Даже родная мать старалась пореже с ним видеться, словно присутствие рядом с ней взрослого сына — лишнее напоминание о тщательно скрываемых морщинках возле глаз. Морщинки эти уже раз пять убирались опытными, хотя и не очень дорогими, пластическими хирургами, но почему-то появлялись вновь. На красоте, конечно, нельзя экономить, но в пятьдесят два года уже трудно казаться даже тридцатилетней. Впрочем, фигуре Ирины Витальевны могли позавидовать многие и многие дамы, родившиеся, естественно, не в России, а в Штатах, возвращенные не на парном молоке, а на хот-догах и чипсах с попкорном.

Все мечтают о славе, как мечтают о вечной молодости и нескончаемом счастье. Коля Торганов тоже думал о чем-то подобном, но при этом работал, просиживая перед компьютером по восемнадцать часов в сутки, прикованный к нему своей мечтой, как каторжник к опостылевшему веслу галеры. К тридцати годам он написал три книги, вышедшие в русском издательстве и едва распроданные, а потом американское издательство выпустило его книжку, написанную уже на английском, и она тоже простаивала на магазинных полках. Литературной славе было лень подниматься к нему на девятый этаж дома, в котором лифт если и работал, то пару часов в неделю. Торганов убеждал себя, что ему все равно, главное — не мечта и не результат, а сам процесс; в конце концов не каждому суждено быть Владимиром Набоковым — классиком американской литературы.

Все изменилось внезапно.

Некий весьма удачливый продюсер решил отправиться в Европу. Он развалился в кресле «Боинга» и на всякий случай обшарил ячейку в спинке впереди стоящего кресла, в которой обычно хранятся гигиенические пакеты для слабонервных. Что хотел там найти продюсер — неизвестно, может быть, он решил проверить, не забыл ли кто из пассажиров предыдущего рейса что-либо ценное — бриллиантовое кольцо или просто бумажник, но обнаружил книжку. Книги,

как известно, особой ценности не представляют, иначе их бы не забывали в самолетах. Но полет был долгим, а продюсер накануне хорошо выспался и потому решил просто полистать страницы в поисках картинок. И, к своему удивлению, начал читать. Закончил только в парижском такси. Машина стояла перед отелем «Реджина». Продюсеру казалось, что в Париже идет дождь: перед его взором была мутная хмарь. Но светило солнце, пахло начинающимся летом, а по тротуару за окном автомобиля проходили длинноногие девушки в веселых мини-юбках.

— Какое дерьмо! — выругался продюсер.

Рукавом пиджака от Армани смахнул влагу с глаз. Потом, рискуя повредить костюм, засунул найденную книжку в карман и пошел к дверям отеля.

В номере он разделся, распечатал пакет с махровым халатом. Халат был белый с вышитым на груди названием гостиницы. Продюсер хотел надеть его на себя, но потом решил, что для начала надо принять душ, и поразился такой простой мысли.

— Дерьмо! — повторил он.

Посмотрел в зеркало на себя голого, попытался натянуть торс, ничего не получилось. Продюсер отбросил в сторону халат и, не опускаясь в кресло, снял трубку телефона.

Офисный номер отозвался автоответчиком. В Штатах уже была ночь. Тогда продюсер позвонил своему помощнику домой.

— Вы уже вернулись? — поинтересовался тот спросонья.

— Ты один? — спросил продюсер, хотя знал, что это не так.

— Как всегда, — соврал помощник.

— Тогда вылезай из кровати и ступай в кабинет. Позвони в издательство... — Продюсер взял со стола книгу и посмотрел на выходные данные. — В издательство «Леви, Леви энд Цуккер», и спроси у них адрес писателя...

Продюсер посмотрел на обложку.

— ...писатель Ник Торгановф.

— Сейчас четыре утра, — напомнил референт.

— Потом свяжись с этим парнем, спроси, не продал ли он кому права экранизации своего романа «Тихий ангел». Если нет, предложи ему сто тысяч, отправь проект договора — того, что мы обычно новичкам подсовываем. Только будь осторожен: парень талантливый, вдруг обидится.

— Если талантливый, то наверняка нищий, а следовательно, сговоримся.

— Он гений, а не гей, а потому может оказаться не очень сговорчивым. Но все равно будь с ним помягче. И не проявляй заинтересованность. В конце концов предложи сто двадцать тысяч.

Глава вторая

Николай собирался завтракать, когда раздался звонок. Снимать трубку не хотелось по двум причинам. Во-первых, сломался тостер и надо было его разобрать. Во-вторых, могла звонить бывшая жена или еще хуже — хозяйка квартиры, а от женщин Торганов уже давно не ждал ничего хорошего. Но телефон продолжал надрываться. Николай посмотрел на часы — без четверти полдень.

— Ник Торганов? — произнес вкрадчивый голос.

— Да, — признался Коля после некоторой паузы, ушедшей на раздумье: не поторопился ли он вообще снять эту чертову трубку.

— Я Джордж Руни, помощник президента продюсерской фирмы «Блю Синема продакшн». Может так случиться, что у нас появится интерес к вашему роману «Тихий ангел». Скажите, кому принадлежат права его экранизации?

Коля растерялся, а в это время сам собой включился тостер.

— Вот черт! — не выдержал Торганов, поразившись подлости кухонного прибора.

Нет, на самом деле он поразился неожиданному вопросу.

Николай нажал на кнопку, но тостер продолжал гудеть. Пришлось выдернуть шнур из розетки. Все это заняло какое-то время, поэтому он успел подготовить достойный ответ, а не заорать от радости.

— Вы что-то сказали? — долетел голос мистера Руни.

— Права экранизации принадлежат автору, то есть мне, — ответил Коля равнодушно, едва сдерживая сердце, рвавшееся из груди в заоконное пространство, где синел маленький кусочек нью-йоркского неба, — сейчас идут переговоры с агентами...

— Простите, — еще более равнодушно произнес мистер Руни, — не буду больше вам мешать. Есть понятия деловой этики, которым наша продюсерская фирма следует неукоснительно.

10 — А вы что-то хотели предложить?

— Ничего, собственно, просто наша фирма проводит определенную работу с молодыми авторами. Чтобы поддержать начинающих, мы заключаем с ними контракты на написание сценариев или приобретаем готовый материал. К сожалению, почти все проекты оказываются впоследствии неинтересны для нас.

— А мне интересно знать, сколько ваша фирма обычно платит начинающим. Просто хочу сравнить с той суммой, что мне предлагают другие агенты.

— Сколько они предлагают, я знаю, — лениво произнес мистер Руни, как видно, потеряв всякий интерес к молодому писателю. — Меньше, чем шестьдесят восемь тысяч пятьсот они не могут предложить: это минимальная стоимость сценария, определенная профсоюзом. Но если вы собираетесь продать не сценарий, а только права экранизации книги, то цена будет раз в десять ниже, кроме того, из той незначительной суммы агенты вычтут свои тридцать процентов.

— Я бы продал сценарий вместе с правами экранизации романа, согласен на любое изменение моего текста. Об этом сейчас и пытаюсь договориться. Переговоры, кстати, заканчиваются. Надеюсь, что до конца недели контракт будет подписан.

Николай успокоился, потому что понял — удача наконец-то улыбнулась ему.

— Желаю успехов! — бодрым голосом попытался закончить разговор мистер Руни и добавил: — Всего хорошего. Если напишете что-нибудь стоящее, то, вполне возможно, нас это заинтересует.

— А сколько ваша компания готова дать за «Тихого ангела»?

— Шестьдесят восемь тысяч пятьсот. Но зато без всяких агентов — все деньги ваши. Мы приобретем опцион на год и заплатим десять процентов. В течение года, если фильм запустится в производство, вы получите остаток всей суммы, а если нет — оставляете аванс себе.

— За девяносто тысяч я бы согласился, и то если...

— Семьдесят тысяч, — перебил его мистер Руни, — и не будем больше торговаться: мы и так переплачиваем. Рисуем к тому же. Если вы согласны на наши условия, то проект контракта мы отправим вам сегодня до конца дня.

— О'кей, — согласился Николай, — только аванс — двадцать процентов!

— Пятнадцать, — твердо произнес референт, — и ни цента больше. Мне еще придется уговаривать

нашего президента, чтобы он пошел на такие кабальные для нас условия.

Проект контракта прислали через час. Николай подписал его, дополнительно внося только два пункта: в титрах будущего фильма будет указан единственный автор сценария — Ник Торгановф. А во всех рекламных материалах — в прессе и в роликах — обязательно указывать: «Фильм по сценарию Ника Торгановфа».

Коля остался доволен собой: в конце концов два года, проведенных на юридическом факультете Колумбийского университета, что-нибудь да значат!

На самом деле Коля готов был отдать права и просто так, то есть бесплатно. Но, во-первых, его приняли бы за идиота, а во-вторых, надо ведь и жить на что-то: платить за квартирку, питаться, не говоря уже о необходимости приобретения нового тостера.

Десять с половиной тысяч долларов ему выдали через неделю после подписания контракта. Он не удивился этому. Станным казалось другое: неужели американцам так уж интересна история бедной русской девушки-графини, проживающей в Харбине в конце двадцатых годов? Эмиграция, нищета, спивающийся отец-граф и полусумасшедшая мать — потомственная княгиня, младшие сестры-близняшки, вечно испуганные... Тоска по родине, воспоминания о былом величии семьи, а вокруг маргиналы-соотечественники, китайские мошенники, вездесущие агенты НКВД, курильщики опиума, забывшие, кто они и откуда, дом, больше похожий на притон, и грязь, грязь, грязь... Чтобы прокормить семью, молодая графиня вынуждена заниматься консумацией и проституцией, поскольку другой работы нет. Она понимает, что этим не поможет ни отцу, ни матери, и скоро сестрам придется заниматься тем же самым. Жить не хочется, отчаяние сжимает страшный круг... Но тут в Харбин прибывает молодой американский миллионер. Он знакомится с героиней в ресторане: ее подсаживают за его столик. Завязывается беседа — и американец очарован, он хочет встречаться с ней постоянно, говорить с ней, и только с ней. Видеть ее он не может, потому что наследник капиталов одного из богатейших семейств Америки слеп...

То ли американцам нравятся сказки про любовь миллионера к проститутке, то ли им понравилось, что и миллионеры бывают слепыми, то ли вспомнили «Огни большого города» Чаплина — историю бродяги и незрячей цве-

точницы, но фильм начали снимать через полгода после того, как у Торганова сломался тостер. Сценарий к тому времени был, разумеется, написан и даже исправлен Николаем дважды: один раз по просьбе режиссера, а другой — по требованию продюсера.

Съемки длились всего три месяца: Харбин начала прошлого века построили в павильоне Голливуда, китайцев искать не пришлось — их везде много, зато удалось упрямить за большие деньги поучаствовать в работе двух звезд — немного потускневших, правда, но все же любимых зрителями. Один сыграл отца-алкоголика — ему даже не пришлось особенно вживаться в роль, плохо только, что популярный актер часто забывал текст и, красиво улыбаясь, нес отсбятину. Его жену играла тоже звезда, в недавнем прошлом, кстати, и в самом деле супруга популярного любителя экс-промтов и виски. Она весьма натурально хлестала по щекам своего бывшего мужа, а теперь просто партнера по съемкам. Николай в Голливуд не поехал, но иногда справлялся у мистера Джорджа Руни, как идет работа. Тот отвечал: «Все о'кей!», а однажды признался, что исполнители всех ролей, включая эпизодические, без ума от сценария и часто плачут на площадке, не в силах сдерживать свои эмоции. Картина поголовно рыдающей съемочной группы впечатляла.

Вскоре началась раскрутка будущего фильма: появилась информация в газетах и журналах, иногда по телевидению показывали рекламный ролик, а кое-где висели огромные постеры. Автор сценария Ник Торганов упоминался везде. Это было приятно, хуже оказалось другое: как только по телевидению впервые прокрутили ролик, Николаю позвонила бывшая жена и потребовала денег.

Глава третья

Если бы бывшая миссис Торганов, а теперь просто О'Нил, знала, какой получится фильм! Рыдали все Соединенные Штаты, а потом Канада, и особенно Мексика, где люди вроде бы приучены плакать над сюжетами своих отечественных сериалов. Кинокритики поначалу пытались критиковать, потом примолкли, а когда сборы от проката перевалили за двести миллионов, начали всюду расхваливать картину, отмечая игру актеров, операторскую работу, режиссерские находки и особенно оригинальный сценарий. Началось триумфальное шествие фильма по миру. Правда, в не-

которых мусульманских странах прокат был запрещен, но именно там оказался самый высокий процент продаж кассет и DVD-дисков. Ругали картину в Китае, но и там сборы перевалили за миллиард юаней.

Очень скоро Николаю позвонил мистер Джордж Руни и сообщил, что фильм выдвигается на соискание премий американской киноакадемии по семи номинациям.

— На премию «Оскар», что ли? — не поверил Торганов.

— Ну да. А на какую еще? Кстати, Ник, мы хотим заключить с тобой контракт на сценарий второго фильма. Зритель требует продолжения: мы завалены письмами — и почти во всех зрители предлагают свои варианты сюжета. Но ты волен сам придумать развитие событий. Например, Бакси Меллоун привозит графиню в Штаты, а у нас тут Великая депрессия, сухой закон, разгул преступности. В героиню влюбляются главари мафии: Аль Капоне, Голландец Шульц, Френк Каstellло, Чарли Зубочистка... и этот, как его? Короче, и другие короли преступного мира. А семья Меллоуна не принимает русскую: они догадываются, чем она занималась в Китае. Ей и у нас приходится трудиться. Графиня поет в подпольном казино, где каждую ночь драки, перестрелки, полицейские облавы. В нее влюбляется самый известный полицейский Чикаго Дик Трейси...

— Сколько? — поинтересовался Торганов.

— Хорошо, пусть в нее влюбляются несколько полицейских.

— Каков будет гонорар?

— В два раза больше прежнего.

— В три раза!

— О'кей, — вздохнул мистер Руни. — Пусть будет двести тысяч баксов. Контракт вышлем сегодня же.

В тот же день Николай сел за работу над продолжением истории о бедной русской графине.

Церемония вручения «Оскара» прошла суматошно и громко: в гигантском зале кинотеатра «Кодак» сверкали лампы софитов и прожекторы, на сцене искрились фейерверки, а лазерные лучи высвечивали в воздухе имена номинантов. Гремела музыка, популярные певцы и певицы старались всю, на огромном экране демонстрировали отрывки из номинированных на премию фильмов.

Николай знал точно, что никакой премии не получит. Во-первых, были сильные конкуренты — опытные кинодраматурги, создавшие великое множество сценариев,

14 ставших потом шедеврами. Во-вторых, свою работу

он сам считал халтурой на потребу. В-третьих... Он мог бы придумать еще множество причин, но главной для отклонения его кандидатуры, конечно, станет одна-единственная: то, что он — русский. Коля не очаровывался происходящим вокруг и не ждал ничего хорошего для себя, кроме банкета после окончания церемонии. Он даже не стал выбирать одежду: взял напрокат смокинг, хотел приобрести рубашку и галстук-бабочку, но схватил с прилавка белую хлопковую майку — купил ее только потому, что на ней стояло название фильма, сценаристом которого он являлся. В ней и пошел на церемонию, в пару к смокингу натянув на себя черные джинсы с шелковыми лампасами. Джинсы ему, как ни странно, подарила бывшая жена.

Торганов сидел в мягком кресле и смотрел на сцену. Сначала вручали премии в малозначимых номинациях. В двух был номинирован и его фильм: за лучший саундтрек и за лучший монтаж. Оба раза премии получили конкуренты. Потом на экране снова появились кадры из «Тихого ангела», и ведущие церемонии объявили, что сейчас произойдет определение лучшего сценария. Представили сценаристов, Николая тоже осветили лучом прожектора, телевизионная камера подъехала почти вплотную к его лицу, он смутился немного и вдруг сообразил, что прямая трансляция идет на весь мир и, вполне вероятно, отец тоже сидит сейчас перед телевизором, в маленькой квартирке в Петербурге, смотрит на экран и радуется. А рядом с ним бабушка и новая семья отца.

— Замечательный писатель — гордость американской литературы, новый Владимир Набоков, написавший роман, ставший вровень со знаменитой «Лолитой», — Ник Торгановфф, — долетел голос из космоса.

Раздались аплодисменты. Потом ведущие перед тем, как вскрыть конверт, в котором лежал листок с одной отпечатанной строкой — выбором киноакадемии, долго шутили, но смысл их шуток не доходил до Николая. Он вообще не соображал, что происходит. В мозгу звучала и повторялась фраза, которую говорил кто-то за Николая: «А вдруг выберут меня?» И непонятно, кто говорит, кого выберут и куда.

— Фильм «Тихий ангел». Ник Торгановфф.

Последние два слова потонули в гуле оваций, и потому Николай не сразу понял, что произошло. Его ослепил луч прожектора, и сидящая рядом актриса, исполнявшая в фильме роль полусумасшедшей матери, похлопала его по коленке:

— Давай, мальчик, беги за своей порцией славы.